

УДК 32

10.34670/AR.2023.35.18.006

Некоторые предпосылки развития фундаментализма в мусульманском обществе Северного Кавказа в 1990-е – начале 2000-х гг.

Мальсагов Руслан Ахметович

Аспирант,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, 1;
e-mail: RuslanMalsag@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу состояния официальных религиозных институтов и религиозно-политической ситуации на Северном Кавказе в конце 1990-х – начале 2000-х гг. Цель данной работы сводится к оценке некоторых предпосылок развития фундаменталистских тенденций в мусульманском обществе региона в выделенный период. Методология исследования построена на комбинировании общенаучных методов анализа и синтеза, индукции и дедукции, классификации и аналогии, а также специальных методов политико-текстологического анализа, включая контент-анализ и дискурс-анализ. Сделан вывод о том, что среди факторов, способствовавших развитию фундаментализма на Северном Кавказе в постсоветской России, можно отметить отсутствие единства формальных религиозных институтов и их борьбу между собой, ослабляющую моральный авторитет этих структур, прибегавших к использованию официальных политических инструментов для противостояния друг с другом и укрепления своих собственных позиций; а также конфронтацию, возникшую уже между духовными управлениями и орденами, объединяющими верующих по принципу приверженности тому или иному шейху.

Для цитирования в научных исследованиях

Мальсагов Р.А. Некоторые предпосылки развития фундаментализма в мусульманском обществе Северного Кавказа в 1990-е – начале 2000-х гг. // Теории и проблемы политических исследований. 2023. Том 12. № 1А. С. 44-51. 10.34670/AR.2023.35.18.006

Ключевые слова

Ислам, мусульманская община, фундаментализм, традиционализм, салафизм, суфизм, тарикат.

Введение

Ислам в настоящее время позиционирует себя в качестве все более важного фактора общественно-политической жизни в Российской Федерации и в мире в целом. С расширением влияния ислама все большее внимание привлекает феномен радикализации ряда его течений. В нашей стране этот феномен наиболее характерен для северокавказских субъектов. Важно более глубокое изучение предпосылок отмеченной радикализации – кризиса, несущего риски различного характера как для самой мусульманской общины, так и российского государства, для которого большое количество исторически мусульманских субъектов является неотъемлемой частью.

Проблематика предпосылок развития фундаменталистских тенденций на Северном Кавказе уже не раз становилась предметом научных исследований. Концептуальное освещение соответствующая тематика получила в работах И.П. Добаева [Добаев, 1998; Добаев, 2000; Добаев, 2001], В.В. Черноуса [Добаев, 2001], Дуарова М.Х. [Дуарова, www], И.А. Задворнова [Задворнов, 2001] и других авторов. Отдельные аспекты темы либо проявление соответствующей проблематики на примере предметных и региональных кейсов исследовали В.Х. Акаев, С.С. Магомедов [Акаев, Магомедов, 1996], С.А. Семедов [Семедов, www], Р.А. Ханаху, Р.Д. Хунагов [Ханаху, Цветков, 2001] и множество иных специалистов.

Однако представляется, что предложенная тема оставляет пространство для дальнейшей научной разработки проблемы и проведения дополнительных изысканий по обозначенной теме.

Целью представленного исследования является оценка некоторых предпосылок развития в мусульманском обществе региона фундаменталистских тенденций в один из основных для их формирования период 1990-х – 2000-х гг.

Методология работы построена на комбинировании общенаучных методов анализа и синтеза, индукции и дедукции, классификации и аналогии, а также специальных методов политико-текстологического анализа, включая контент-анализ и дискурс-анализ.

Основная часть

Исламское движение на территории Северокавказского региона лишь условно можно назвать монолитной общественной силой. В большей степени целостность «внутреннего» ислама ослабла после распада Советского Союза и религиозных институтов, которые были созданы в XX в. К началу 2000-х гг. исламское движение представляет собой разрозненные общественно-политические субъекты, каждый из которых преследует собственные цели. Последние зачастую носят лишь внешне религиозно-политическую окраску, их интересы разрозненны и выражены посредством внутриэлитной борьбы в регионе [Добаев, 1998].

Стоит отметить, что специфика традиционного ислама на Северном Кавказе имеет ряд существенных отличий от канонической догматики. Здесь многовековая доисламская история, которая включает в себя глубоко укоренившиеся обычаи и традиции многочисленных народов и этносов, накладывается на относительно молодое исламское учение [Дуарова, www]. С.А. Семедов в одной из своих работ пришел к выводу, что тесное переплетение этнических и религиозных составляющих кавказского общества повлияло на становление ислама в качестве национальной религии местных народов [Семедов, www]. В продолжение данной риторики И.А. Задворнов говорит о двух пластах социокультурной жизни в регионе: «Первый – внешний, формально включающий эти общества в действующую государственную идеологическую и

экономическую систему; второй – внутренний, веками не подверженный изменениям, существующий независимо от первого и оказывающийся реальным источником духовной и практической этноидентификации людей» [Задворнов, 2001].

Главной действующей религиозной силой на Северном Кавказе является исламский традиционализм, представленный собственно религиозными традиционалистами, многими бытовыми мусульманами (хотя сейчас наблюдается тенденция превращения фундаментализма-салафизма в главное направление ислама в регионе; в первую очередь это характерно для восточной части региона, для запада Северного Кавказа – в существенно меньшей степени) и представителями официального духовенства. Однако процессы, происходящие внутри самой общины, говорят о глубоком системном кризисе, который все углубляется – то в явной, то в латентной формах.

Говоря об официальных структурах в регионе, необходимо отметить решающую роль социально-политических изменений конца 80-х – 90-х гг., которые повлекли за собой трансформацию всей административной системы. Ярким примером является распад Северокавказского Духовного управления мусульман (ДУМ) в мае 1989 г. В последующие годы не удалось создать подобную централизованную систему управления, община раскололась по этнонациональному принципу. В начале 2000-х гг. существует семь независимых Северокавказских ДУМ: Дагестанский, Ингушский, Чеченский, Карачаево-Черкесский и др. Каждый из них обладает собственным обособленным аппаратом [Добаев, 2000, 241].

Стоит отметить, что выделившиеся в результате раскола мусульманские управления не обладают внутренним единством. Рассмотрим более подробно специфику региональной организации мусульман на примере Республики Дагестан в исторической ретроспективе.

В январе 1990 г. на Чрезвычайном съезде мусульман Северного Кавказа было принято решение о создании муфтията Республики Дагестан (ДУМД), который со временем взял под контроль большинство религиозных общин региона. Наравне с ДУМД в РД присутствуют и другие мусульманские организации, в частности суфийские и салафитские объединения, которые обладают собственной юридической компетенцией [Пути мира на СК: Доклад эксперта с независимой оценкой, 1999].

Религиозный быт сельских жителей Дагестана организован главным образом посредством джамаатов (общин), которые могут объединять различное количество верующих и подразделяться на несколько мюридских братств во главе с шейхом. На этот момент в республике зарегистрировано более 15 братств мюридов, большая часть которых придерживается накшбандийского тариката. В этническом плане они, как правило, гомогенны. Между братствами существует негласное противоборство, которое способствует политизации ислама в регионе и радикализации сторонников движения [Добаев, 2000, 242].

В начале 2000-х гг. сторонниками традиционного ислама в РД были основаны 12 религиозных вузов (6 из которых получили государственную аккредитацию на ведение учебно-образовательной деятельности), 33 филиала, 136 медресе регулярного характера и более 200 школ, работающих при мечетях. Традиционалисты также учредили Исламскую партию Дагестана под руководством депутата парламента республики С. Асиятилова, которая долгое время пользовалась широкой общественной поддержкой.

После политического разгрома «ваххабитских» объединений в 1999 г. ДУМД фактически полностью монополизировало свое влияние, умело используя средства массовой информации и популистскую риторику.

Идеологом организации являлся Саид Чиркейский – шейх орденов накшбандийя и

шазалийя. В числе его многочисленных сторонников были руководящие члены духовного управления Дагестана, а также лица, представляющие структурные элементы власти.

Говоря о внутренней оппозиции того времени, И.П. Добаев отмечает часть даргинского, кумыкского и лезгинского духовенства, шейхов накшбандийского тариката Т. Рамазанова, М.-М. Бабатова, М. Карачаева, М.-Г. Гаджиева, И. Ильясова, М. Акаева и С. Исрафилова. В этом контексте стоит отметить представленность большей части руководства ДУМД этническими аварцами [Добаев, 2000, 243].

Несмотря на наличие оппозиции, как было отмечено ранее, муфтият Республики Дагестан долгое время сохранял лидирующие позиции в духовной жизни общества. В этой связи, не имея серьезных конкурентов, ДУМД занялось укреплением своих позиций во властных структурах республики, увеличивая свое политическое и административное влияние. О происходящем свидетельствовал характер публикуемых в газете «Ассалам» статей (издание подконтрольное ДУМД) и заявлений в публичном медиапространстве. Анализ деятельности муфтията в начале 2000-х гг. говорит о стремлении укрепить свое лидерство в республике и подчеркнуть бессмысленность противостояния с «лидером духовной жизни общества». С другой стороны, данная риторика провоцировала ослабление авторитета традиционного ислама в регионе и обострение общественных противоречий.

Краткий анализ религиозной, социальной и политической ситуации в Дагестане в конце 1990-х – начале 2000-х гг. позволяет сделать вывод о том, что политизация религии привела к радикальным изменениям внутри дагестанского общества, которое фактически оказалось втянуто во внутриэлитную борьбу духовенства. Основной политической силой региона становятся сторонники традиционного ислама (тарикатисты) ввиду отсутствия течений модернистского толка и давления на представителей фундаментализма. Тем не менее традиционалистский ислам так и не сумел стать монолитной силой в регионе, где до сих пор продолжают развиваться конфронтации по линии тарикатистско-мюридского разлома [Добаев, 2000, 244].

Переходя к анализу религиозных настроений этого периода в Ингушетии и Чечне, стоит отметить присутствие того же фактора разобщенности и даже враждебности внутри приверженцев традиционного ислама. Так, на территории этих двух республик обосновались 30 вирдовых братств ордена накшбандийя и кадирийя, большая часть которых в тот или иной промежуток времени противостояла друг другу. В качестве причин подобной враждебности можно обозначить не только идейные разногласия, но и искусственное разжигание конфликта – поддержку этого противостояния со стороны официальных властей республик [Акаев, Магомедов, 1996, 61]. Говоря о территориальном разделении, можно отнести к представителям суфийского братства накшбандийя – равнинных чеченцев, в то время как к суфийскому братству кадирийя относятся по большей части горцы.

Важным остается и то, что философские основы обоих братств трансформировались на протяжении последних двух столетий. Так, еще в XIX в. доктрина тариката накшбандийя была преобразована в идеологию «кавказского мюридизма», а учение кадирийцев базировалось на идеи мирного урегулирования конфликтов (в том числе призывало к прекращению кровной мести). В XX в. представители ордена накшбандийя активно сотрудничали с советскими властями против царской России, в то время как лидеры кадирийцев осуждали всякое кровопролитие и призывали к миру и смирению, а после революции примкнули к сопротивлению против коммунистического режима. Стоит отметить, что последние пользовались большим доверием среди властных кругов новой России, поэтому именно горцы

кадирийя заняли ведущее положение в духовной и политической жизни и современной Чечни [Добаев, 2000, 245].

С целью поддержания своего положения представители традиционного ислама на Северном Кавказе принимают активное участие в выборах государственной власти на различных уровнях. Они создают собственный рычаг влияния на руководство республик путем поддержки нужных политиков и выдвижения лояльных кандидатов, для чего используются финансовые и организационно-пропагандистские инструменты [Акаев, Магомедов, 1996, 62].

В этой связи региональные ДУМы направляют свою деятельность, с одной стороны, на достижение большей самостоятельности от центра, с другой – стремятся сохранить лидирующие позиции в региональной политике, поскольку им необходимы ресурсы центра для противостояния оппозиции и радикальным течениям.

Несмотря на несостоятельность политики консолидации традиционного ислама, стоит отметить положительную динамику как на общегосударственном, так и на региональном уровне. В первое десятилетие новой России произошло качественное развитие, так, по данным на 1 января 1999 г., муфтий духовного управления мусульман Европейской части России, шейх Равиль Гайнутдинов, возглавлял Совет муфтиев России. Это крупнейшая религиозная организация своего времени, куда входило большинство северокавказских муфтиев (кроме чеченских) [Ислам и мусульмане в России, 1999]. В описанный период начал работу Координационный центр мусульман Северного Кавказа, куда входили ДУМы всех республик [Ханаху, Цветков, 2001, 10]. Однако единство управления сохранялось недолго, отсутствие слаженной системы и наличие внутренней оппозиции повлияло на самовольный выход нескольких ДУМ из состава Координационного центра. Подобные действия подтолкнули и другие муфтияты к сепарации от центрального управления.

Беглый взгляд на роль института муфтията в России демонстрирует стремление к построению слаженной иерархической структуры. На его становление в той или иной мере воздействовали социально-политические институты своего времени и наличие института русской православной церкви. Градация духовенства в исламе выстраивалась с учетом происходящих в стране перемен и с оглядкой на возможные бунты в удаленных от центра территориях. В этой связи у государственной власти всегда было стремление создать рычаг влияния в регионе посредством тесного взаимодействия с представителями ислама [Ханаху, Цветков, 2001, 11].

В царское, а затем и в советское время были даже созданы специальные институты и службы, которые занимались «защитой ислама от посягательств со стороны чуждых российской ментальности идеологий и инородных религий, конфессий, течений и сект» [Добаев, 2001]. За столь долгий период управления «сверху вниз» местный ислам России утратил всякую самостоятельность и субъектность, продемонстрировав неспособность к противостоянию даже внутренним угрозам, исходящим от религиозной оппозиции. «Поэтому неудивительно, что в связи с временной слабостью традиционного ислама его зону воздействия попытались и все еще пытаются занять иные субъекты, как правило политизированные, можно сказать околоисламские или квазиисламские, поскольку большинство из них, строго говоря, мусульманскими не являются, но выступают под "зелеными знаменами ислама". Большинство общественно-политических движений России, называющих себя мусульманскими, посвятили свою деятельность не идее распространения религиозного сознания, но, по сути дела, политической борьбе за власть и собственное влияние в массах» [Добаев, 2000, 247], – отметил И.П. Добаев в одной из своих работ.

Заключение

Таким образом, среди факторов, способствовавших развитию фундаментализма на Северном Кавказе, можно выделить отсутствие единства формальных религиозных институтов и их борьбу между собой, ослабляющую моральный авторитет этих структур, прибегавших к использованию официальных политических инструментов для противостояния друг с другом и укрепления своих собственных позиций. Также усилению фундаменталистских тенденций способствовала и конфронтация, возникшая уже между духовными управлениями и орденами, объединяющими верующих по принципу приверженности тому или иному шейху.

Библиография

1. Акаев В.Х., Магомедов С.С. Чечня: Суфийские общины. Пути взаимодействия, вовлеченность в современную политику и общественное развитие // Научная мысль Кавказа. 1996. № 3. С. 61.
2. Акбашева, Д. Х. Аксиологические основания гуманизма в исламе / Д. Х. Акбашева // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 9(172). – С. 512-513. – DOI 10.46320/2073-4506-2022-9-172-512-513.
3. Добаев И.П. Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика. Ростов н/Д., 2000. 332 с.
4. Добаев И.П. Исламский фактор в этнополитических процессах на Северном Кавказе // Известия высших учебных заведений. Северокавказский регион. Общественные науки. 1998. № 2. С. 74-76.
5. Добаев И.П. Традиционализм и радикализм в современном исламе на Северном Кавказе // Ислам и политика на Северном Кавказе. Сборник научных статей. Ростов н/Д, 2001. С. 12-13.
6. Дуарова М.Х. Характерные особенности процесса проникновения ислама в область религиозных верований народов Северного Кавказа. URL: <http://archivesjournal.ru/?p=709>.
7. Задворнов И.А. Северный Кавказ: Этнополитические и религиозные особенности социокультурной идентичности // Россия и мусульманский мир. 2001. № 1 (103). С. 25-31.
8. Ислам и мусульмане в России. М., 1999. 219 с.
9. Мифтахов, А. М. Преимущества реализации нормы права Ислама о взяточничестве для общества / А. М. Мифтахов // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 7(158). – С. 254-255. – DOI 10.46320/2073-4506-2021-7-158-254-255.
10. Пути мира на СК: Доклад эксперта с независимой оценкой. М., 1999. 184 с.
11. Семедов С.А. Ислам в современных этнополитических процессах на Северном Кавказе. URL: http://religio.rags.ru/journal/anthology4/a4_17.pdf.
12. Семенов, И. А. Предпосылки становления мусульманской каритативной деятельности в России начала XX века / И. А. Семенов // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 10(161). – С. 195-197.
13. Ханаху Р.А., Цветков О.М. Позиционирование и перспективы ислама в Адыгее // Хунагов Р.Д. (ред.) Ислам у адыгов Северного Кавказа. Майкоп, 2001. С. 10.

Some prerequisites for the development of fundamentalism in the Muslim society of the North Caucasus in the 1990s – early 2000s

Ruslan A. Mal'sagov

Postgraduate Student,
Lomonosov Moscow State University,
119991, 1 Leninskie gory, Moscow, Russian Federation;
e-mail: RuslanMalsag@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to analysis of the state of official religious institutions and the religious and political situation in the North Caucasus in the late 1990s – early 2000s. The purpose of this

Some prerequisites for the development of fundamentalism ...

work is to assess the prerequisites for the development of fundamentalist tendencies in the Muslim society of the region in the selected period. The research methodology is based on a combination of general scientific methods of analysis and synthesis, induction and deduction, classification and analogy, as well as special methods of political and textual analysis, including content analysis and discourse analysis. It is concluded that among the factors that contributed to the development of fundamentalism in the North Caucasus in post-soviet Russia, one can note the lack of unity of formal religious institutions and their struggle among themselves, weakening the moral authority of these structures, resorting to the use of official political tools to confront each other and strengthen their own positions; as well as the confrontation that has already arisen between spiritual administrations and orders that unite believers on the principle of adherence to one or another sheikh.

For citation

Mal'sagov R.A. (2023) Nekotorye predposylki razvitiya fundamentalizma v musul'manskom obshchestve Severnogo Kavkaza v 1990-e – nachale 2000-kh gg. [Some prerequisites for the development of fundamentalism in the Muslim society of the North Caucasus in the 1990s – early 2000s]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 12 (1A), pp. 44-51. 10.34670/AR.2023.35.18.006

Keywords

Islam, Muslim community, fundamentalism, traditionalism, Salafism, Sufism, tariqa.

References

1. Akaev V.Kh., Magomedov S.S. (1996) Chechnya: Sufiiskie obshchiny. Puti vzaimodeistviya, vovlechenost' v sovremennuyu politiku i obshchestvennoe razvitiye [Chechnya: Sufi communities. Ways of interaction, involvement in modern politics and social development]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza* [Scientific Thought of Caucasus], 3, p. 61.
2. Akbasheva, D. H. Axiological foundations of humanism in Islam. *Eurasian Law Journal*. 2022. № 9(172). Pp. 512-513. DOI 10.46320/2073-4506-2022-9-172-512-513.
3. Dobaev I.P. (1998) Islamskii faktor v etnopoliticheskikh protsessakh na Severnom Kavkaze [Islamic factor in ethnopolitical processes in the North Caucasus]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Severokavkazskii region. Obshchestvennyye nauki* [Bulletin of higher educational institutions. North Caucasian region. Social Sciences], 2, pp. 74-76.
4. Dobaev I.P. (2000) *Islamskii radikalizm: genesis, evolyutsiya, praktika* [Islamic radicalism: genesis, evolution, practice]. Rostov-on-Don.
5. Dobaev I.P. (2001) Traditsionalizm i radikalizm v sovremennom islame na Severnom Kavkaze [Traditionalism and Radicalism in Modern Islam in the North Caucasus]. *Islam i politika na Severnom Kavkaze. Sbornik nauchnykh statei* [Islam and Politics in the North Caucasus. Collection of scientific articles]. Rostov-on-Don, pp. 12-13.
6. Duarova M.Kh. *Kharakternye osobennosti protsessa proniknoveniya islama v oblast' religioznykh verovaniy narodov Severnogo Kavkaza* [Characteristic features of the process of penetration of Islam into the area of religious beliefs of the peoples of the North Caucasus]. Available at: <http://archivesjournal.ru/?p=709> [Accessed 17/02/2023].
7. *Islam i musul'mane v Rossii* [Islam and Muslims in Russia] (1999). Moscow.
8. Khanakhu R.A., Tsvetkov O.M. (2001) Pozitsionirovanie i perspektivy islama v Adygee [Positioning and prospects of Islam in Adygea]. In: Khunagov R.D. (ed.) *Islam u adygov Severnogo Kavkaza* [Islam among the adygs of the North Caucasus]. Maikop, p. 10.
9. Miftakhov, A.M. Advantages of implementing the rule of law of Islam on bribery for society. *Eurasian Legal Journal*. 2021. № 7(158). Pp. 254-255. DOI 10.46320/2073-4506-2021-7-158-254-255.
10. *Puti mira na SK: Doklad eksperta s nezavisimoi otsenkoi* [Ways of peace in the UK: Report of an expert with an independent assessment] (1999). Moscow.
11. Semedov S.A. *Islam v sovremennykh etnopoliticheskikh protsessakh na Severnom Kavkaze* [Islam in modern ethnopolitical processes in the North Caucasus]. Available at: http://religio.rags.ru/journal/anthology4/a4_17.pdf [Accessed 15/02/2023].
12. Semenov, I. A. Prerequisites for the formation of Muslim caritative activity in Russia at the beginning of the XX century. *Eurasian Legal Journal*. – 2021. – № 10(161). – Pp. 195-197.

-
13. Zadornov I.A. (2001) Severnyi Kavkaz: Etnopoliticheskie i religioznye osobennosti sotsiokul'turnoi identichnosti [North Caucasus: ethnopolitical and religious features of sociocultural identity]. *Rossiya i musul'manskii mir* [Russia and the Muslim World], 1 (103), pp. 25-31.